

18+

АЛЕКСЕЙ АРТЮХИН

СМЕРТЬ ИСТОРИИ

18

ПУТЬ К ДЕМОКРАТИИ
БУДЕТ СЛИШКОМ КРОВАВЫМ

Алексей Артюхин

Смерть Истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149418

ISBN 9785449606761

Аннотация

Он был известным политиком и бизнесменом, встретился со своей дочерью и был рад, что судьба подарила такую возможность. Однако когда-то именно он стал серым кардиналом величайших перестроений во власти страны. С его подачи случились перемены, которые теперь носят название «Перестройка» и «Путч». Он видел многое: атомную катастрофу в Чернобыле, августовский переворот 1991 года, становление новой России. Эта история рассказывает о страшных событиях тех лет, которые вознесли к вершинам новую элиту. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Знамение	5
Глава 2. Атомная катастрофа	13
Глава 3. Новое звание и знакомство	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Смерть Истории

Алексей Артюхин

*«Революцию, чаще всего, готовят утописты,
осуществляют фанатики,
а их плодами пользуются негодяи»*

Дизайнер обложки Ирина Артюхина

© Алексей Артюхин, 2024

© Ирина Артюхина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4496-0676-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Знамение

В небе над небольшим городком висело яркое теплое солнце. Была середина дня. Вокруг стояли невысокие дома, а зелень деревьев была своей яркой краской.

Две девушки были одеты в юбки ниже колен и белоснежные рубашки. На ногах распространённые в то время туфли на низком каблучке. Типичный наряд начала шестидесятых годов двадцатого века. Они шли, осматривая окрестности.

В принципе, небольшой городок Петрич не особо отличался от подобного советского поселения такого рода. Все носили похожую одежду, на улицах было немногочленно. Несмотря на то, что Петрич находился на стыке трех стран: Греции, Болгарии и Югославии, жизнь здесь протекала тихо, и ничто не напоминало, что рядом расположена государственная граница. Всё дело было в том, что это были социалистические дружественные страны.

Подруг звали Наталья и Людмила. У Люды был с собой фотоаппарат. Она частенько взводила затвор, перематывая плёнку, чтобы сделать очередной кадр. Девушки приехали из СССР. Они решили побывать в этом городке, потому что о его спокойной и красивой природе рассказала подруга из университета, которая много раз гостила здесь у родственников-болгар. Люда и Наташа давно мечтали побывать за границей и решили попробовать. Их знакомство с други-

ми странами началось с Болгарии и этого города Петрич.

— Куда бы нам ещё дойти до обеда? — поинтересовалась Наталья, взглянув на подругу, которая в очередной раз остановилась у растущих красивых цветов.

— Сама не знаю, — Люда была поглощена процессом фотографирования, наводя объектив очень близко к цветку. — Фотография получится — что надо.

Щелчок, и Людмила расплылась в очередной улыбке. Она посмотрела на подругу.

— Ну не знаю я, Наташ, — пожала плечами девушка. — Давай найдём уже какое-нибудь кафе, где можно поесть.

— Давай, — согласно кивнула Наталья. — А уже потом отправимся дальше, а то я так на голодный желудок плохо думаю.

Девушки свернули на очередную улицу, где было также тихо, как и на предыдущей. Людей на улицах было немного. Из некоторых домов доносилась музыка, где-то гремели посудой, что наводило мысли подруг на то, что голод подступает всё ближе. Они шли дальше, пытаясь понять, как им выйти к центру, где будет местечко, чтобы пообедать.

Девушки проходили мимо небольших одноэтажных и двухэтажных домов. Из одного из них вышла пожилая женщина. Она двигалась спиной вперёд и кланялась дому, что-то приговаривая и постоянно крестясь. Девушки замедлили шаг, наблюдая за этим одновременно. Им было немного непривычно наблюдать картину того, как крестится человек,

ведь в Советском Союзе люди редко это делали, а на людях такое явление было редкостью. В основном только сильно верующие люди соблюдали все правила христианских обрядов.

Наталья остановила подругу, когда пожилая женщина, тихо приговаривая что-то на болгарском, прошла мимо них. Но девушки поняли, что она благодарит этот дом и человека, который помог ей.

— Интересно, что это было, — улыбнулась Люда.

— А на что это похоже? — пожала плечами Наталья, поднимая взгляд на двухэтажный светло-зелёный дом с белыми рамами окон и ухоженным садом.

— Понятия не имею, — сказала Людмила. — Надо сфотографировать этот дом. Он мне нравится.

Дом был скромным и имел балкон на втором этаже. Перед домом был прекрасный цветник, который говорил о том, что хозяйка дома очень любила цветы.

Девушка поднесла фотоаппарат к лицу, прицеливаясь к будущему кадру, и щёлкнула в тот момент, когда из двери вышла молодая женщина. Девушки встретились с ней взглядом и застыли на месте. Повисла тишина. Русские подружки не знали, как себя повести, но молодая женщина улыбнулась им и пригласила жестом внутрь дома.

— Она зовёт нас туда? — Наталья произнесла вслух очевидную вещь.

— Кажется, да.

– А зачем?

– А я почём знаю.

– Думаешь, стоит идти? — спросила Наталья.

– Да, а что такого? Может быть, нас угостят обедом, — усмехнулась Людмила, проходя внутрь территории. — Я уже такая голодная, что съела бы корову.

– Ну ладно. Я бы в целом тоже не отказалась от еды, — усмехнулась Наташа, проходя за подругой.

Две девушки подошли к женщине.

– Здравствуйте, — поздоровались они, робко кивнув головами.

– Русские? — спросила с небольшим акцентом женщина.

– Да, — ответила Наташа. — Мы из Союза приехали.

– Хорошо. Проходите, — женщина отступила от входной двери, пропуская подруг вперёд.

Людмила зашла первой, а за ней внутри оказалась и Наталья. В доме было уютно и светло. Вокруг была абсолютная чистота. Везде висели белоснежные занавески, на столах были белые скатерти. Женщина закрыла дверь за гостями и обошла девушек, направляясь в комнату.

– Идёмте за мной, — попросила она.

Девушки переглянулись, как бы спрашивая друг у друга, а не стоит ли узнать, для чего их сюда пригласили.

– А куда мы идём? — поинтересовалась осторожно Люда.

– Уже пришли.

Мебели в доме было минимум. Только самое необходи-

мое. Зато везде лежали подарки, множество кукол, лошадок, деревянных сувениров и игрушек. Очевидно, их приносили в дар этой женщине.

Молодая женщина присела рядом с женщиной в платке, глаза которой были закрыты. Она, кажется, задремала, но её разбудили. Пригласившая подруг в дом, что-то сказала женщине негромко по-болгарски. Та, не открывая глаза, встрепенулась и ответила на сказанное.

— Это предсказательница, — улыбнулась Наталья. — Как интересно.

— Вот куда мы попали, а не на обед, — Люда слегка улыбнулась. — Сейчас нам предскажут судьбу.

Девушки с интересом отнеслись к такой возможности, понимая, что, скорее всего, это всё несерьёзно, но довольно-таки увлекательно. В этот момент молодая женщина взглянула на подруг и спросила:

— Кто будет первой?

— Давайте я, — Людмила всучила свой фотоаппарат Наталье и сделала шаг вперёд.

— Хорошо.

Только сейчас подруги обратили внимание на то, что предсказательница до сих пор не открывает глаза. Тогда девушки поняли — она слепая. Это слегка смутило Люду, но она постаралась не выдавать своих эмоций.

Предсказательница, слегка улыбнувшись, что-то сказала по-болгарски, а её помощница перевела на русский.

— Она говорит, чтобы вы не боялись, что она не видит глазами. Её разум видит куда больше.

— Хорошо... Спасибо, — только и выдавила из себя Люда. — Я готова.

Предсказательница стала говорить, а помощница переводила.

— Ты обретёшь интересную работу, которая поможет тебе в жизни. Муж твой будущий пить не будет, потому что ты сможешь держать его крепко от этого.

— Как интересно, — улыбнулась Людмила, покосившись назад, где стояла её подруга.

Наталья улыбнулась, пожав плечами. И в этот момент предсказательница, как будто уловила это лёгкое движение Наташи. Она повернула голову к ней. Девушки замерли. Предсказательница стала говорить, а подруги слушали перевод.

— А тебя ждёт тяжёлая судьба, — это уже предназначалось для Натальи. — Твой ребёнок выберёт неправильный путь, будет метаться из стороны в сторону, не понимая, какую истину принять, чью правду отстаивать. И всё это будет уже, когда он вырастет. Тяжёлое решение принять ему придётся, но зло оно укладу нынешнему принесёт, изменит всё, ломает привычное.

— О чём это она? — нахмурилась Наталья. — Я даже не замужем.

— Но однажды ты же станешь супругой.

– Мой ребёнок будет злом? — спросила Наташа.

– Злом будет или добром, это зависеть будет от того, как к этому отнесёшься ты или иной человек. Но перемены страшные грядут. Спустя десятилетия они свершатся. И не без помощи твоего сына, который будет сильным, ломающим привычное. И никто не сможет его переубедить в своём решении изменить ход истории...

Девушки вышли на улицу, попрощавшись и поблагодарив хозяев дома. Они оглянулись ещё раз на домик, не понимая, что сейчас произошло, но на душе у обеих было тревожно. Что самое печальное, что тревога этого, казалось бы смешного с точки зрения правдивости, предсказания настолько глубоко забралось им в душу, что в итоге девушки запомнили этот дом и предсказательницу до конца своих дней.

– И что это сейчас было? — поинтересовалась Людмила.

– Да я сама не поняла, но что-то мне не очень понравилось моё будущее, — сказала Наталья. — Предсказатели эти вечно страху нагоняют.

– Это точно. Забудь. Сын твой будет хорошим. Я уверена.

– Да. Но она сказала, как к его действиям относиться. Да и вообще, забудем об этом.

– Извините, — Люда остановила мимо проходящего мужчину. — Кто живёт в этом доме?

Мужчина нахмурился, не до конца понимая, что его спрашивают русские.

– Кто здесь живёт? — повторила Людмила, указывая

на домик.

— Ванга, — ответил мужчина.

Глава 2. Атомная катастрофа

Евгений Фролов и Виктор Зарубин возвращались в Москву. Два молодых парня. Свежие лица, только уставшие. Светловолосый Женя с голубыми глазами и темноволосый Витя с зелеными. Оба крепкие и уверенные в себе.

Вертолёт нёс их в темноте ночи, а два пилота следили за приборами, изредка переговариваясь друг с другом и слыша голос собеседника в наушниках, которые были на каждом.

Женя и Витя устали. Последние несколько дней они изучали атомную станцию, чтобы составить отчёты и доклады начальству в КГБ. Парни были молоды, но уже много чего повидали, поработав в этой структуре и узнав массу секретов. Их завербовали ещё в школе, когда они, будучи старшеклассниками, проявляли особый интерес ко многим наукам, таким как химия, история и математика. Несколько тестов при отборе позволили им стать агентами. Воспитанным в средних семьях, ребятам сложно давались первые задания ввиду специфики работы чекистов. Ведь родители всегда воспитывали сыновей согласно идеологии своего времени, впитывая в умы ребят, что человек человеку друг и товарищ. А профессия, которая стала для них смыслом жизни, начинала подтачивать и ломать веру в человека, подвергать всё сомнению, искать изъяны везде, даже там, где их

нет. Каждый из них справлялся по-своему, но парни всегда поддерживали друг друга, потому что были лучшими друзьями с самого детства и понимали, насколько сложно каждому из них.

Вот и сейчас их нервы были на пределе, так как они воочию наблюдатели глазами специалистов на то, что могло уничтожить жизнь на планете или, по крайней мере, привести к катастрофе. Евгений и Виктор возвращались с Чернобыльской атомной электростанции. Докладывать нужно было своему непосредственному руководителю, а тот не любил плохих вестей. Однако парни понимали всю ответственность обладания данной информацией. Это было их работой. Они обязаны были сообщить о каждодневной угрозе, которая таилась в недрах станции.

Вертолёт приземлился на специальной площадке, когда уже рассвело. Зарубин и Фролов вышли из вертолёта, лопасти которого уже начали сбрасывать обороты после отключения винта, и направились напрямиком в здание штаба. Несмотря на ранний час, внутри здания уже всю кипела работа. Парни прошли напрямиком в кабинет к начальнику, не проронив ни слова. Остановившись у нужной двери с табличкой «Зорин», они переглянулись и постучали.

– Заходите! — послышался мощный голос изнутри.

Двое вошли внутрь. За столом сидел мужчина лет сорока пяти с седыми усами и читал очередной документ.

– Здравия желаем, товарищ полковник, — приветствова-

ли парни.

— И вам не хворать, — не поднимая взгляда, сказал начальник. — Садитесь и докладывайте, как там Украина.

Парни заняли места за столом напротив полковника Зорина.

— Товарищ полковник, — начал Зарубин. — Наши исследования будут полностью отражены в рапортах, но если говорить о главном, то все наши наблюдения, исследования и видеосъёмка лишь подтверждают всё изученное ранее другими агентами.

— Ясно, — мужчина снял очки и пристально взглянул на парней. — А конкретно?

— Ввод четвёртого энергоблока был сделан слишком рано. Работа по конструированию системы была проведена не тщательным образом. Вся эта система имеет некоторый ряд опасных недоработок, что может в итоге однажды привести к аварийной ситуации.

— Учитывая, что совсем рядом есть город, при аварии эвакуировать всех за короткий срок не удастся. Уйдёт как минимум неделя, — рассказал Женя. — Те, кто дал одобрение на запуск этого блока недоработанным, поставил под угрозу экологию половины мира.

— О каких недоработках в частности вы можете сказать? — поинтересовался Зорин.

— Их масса, — вздохнул Женя.

— Если конкретнее, то некоторые детали конструкции бы-

ли спроектированы с неточностями, — рассказал Зарубин. — Даже перекрытия, которые должны быть при всех раскладах из негорючих материалов, в итоге сделали из более дешёвых горючих. В случае аварии это сильно усугубит ситуацию.

— Я понимаю ваши негодования, ребят, — сказал полковник. — Но вы не поверите, здесь даже вмешательство КГБ не помогает. В правительстве ещё при пуске четвёртого блока никто слышать не хотел о возможных проблемах. Важнее всего запустить быстро, показать, мать его, всему миру, что Советский Союз очень силён и впереди планеты всей.

— Так что же нам делать, товарищ полковник? — спросил Зарубин. — Как достучаться до этой верхушки, которая спит и видит, чтобы быть везде впереди всех? И не важно, что могут пострадать люди из-за такой власти.

— Эй, парень, — сказал Зорин. — Следи-ка за своей речью. Я всё понимаю, но надо бы держать мысли такие при себе.

— Не поверите, Степан Иванович, — вздохнул Зарубин. — Сил уже больше нет. Как докатились мы до такого? Ведь Союз стал перемалывать сам себя в последние годы.

— А мы вот и призваны следить, чтобы в государстве был порядок, вычислять, кто и как может его нарушить, — сказал старший товарищ. — Мне самому всё это не нравится, но сегодня стала править та верхушка, которая уже не стесняется в методах. Главное для них достаток, звание страны,

где всё на высшем уровне и обязательно лучше, чем на Западе. Смех.

— Вот и я о том же, — процедил Витя.

Евгений опасался таких вот диалогов. Никогда не знаешь, к чему такого рода рассуждения могут привести.

— Ладно, парни, — сказал полковник Зорин. — Отсыпайтесь идите. Завтра жду у себя в десять утра с докладами.

— Хорошо, товарищ полковник.

Двое друзей вышли из кабинета и отправились по коридору.

— Ты зря так всё ему высказываешь, — сказал Евгений. — Неизвестно, кому он может о твоих настроениях доложить.

— Никуда он не доложит, — махнул рукой Виктор. — Зорин свой человек. Он смотрит на вещи, как мы.

— Как мы? — усмехнулся Фролов. — Я во многом с тобой не согласен.

— О чём это ты?

— Ты считаешь, что система стала непригодна для существования того строя, который в нашей стране уже более шестидесяти лет. А я полагаю, что такое происходит из-за людей, которые возглавили эту страну и пытаются подорвать Союз изнутри. А это совсем разные вещи.

— Но в одном мы оба солидарны.

— В чём же?

— Перемены неизбежны, и они уже на пороге, как началась

Перестройка Горбачёва, — сказал Виктор.

— О да, — согласился с другом Евгений. — Вопрос только в том, какова истинная цель этой Перестройки.

* * *

Чернобыльская атомная электростанция возвышалась среди равнины. Лучи луны серебром освещали её стены и крышу. Внутри шла работа. Четвёртый блок станции, комната управления. Здесь было несколько людей. Главным сегодня был Анатолий Дятлов, заместитель Главного инженера, один из ведущих инженеров-ядерщиков, человек сильный, который управлял грозной системой станции. Это был уже седовласый мужчина с умными глазами и небольшими седыми усами. Александр Акимов занимал пост начальника смены. Очки на его носу были постоянно, а сам он чётко следил за всеми показателями приборов. Леониду Топтунову было всего двадцать шесть лет, а он уже занимал должность старшего инженера управления. Молодой человек носил усы, а умные глаза не упускали ничего из виду. Его работой был контроль колоссальной мощности реактора. Кроме этих троих в помещении были ещё несколько человек.

Четвёртый энергоблок был запущен совсем недавно. Это считалось великим техническим достижением, гордостью Советского государства. На сегодня было запланировано испытание реактора на безопасность. Дата — 26 апреля

1986 года.

Множество приборов оповестили Топтунова о проблеме.

— Мощность упала до 500 мегаватт, — высказал свои наблюдения молодой человек.

— Что с ЛАРОм? — поинтересовался Дятлов.

— Я отключаю локально-автоматический регулятор реактора, — сообщил Леонид.

Здесь начал завязываться роковой спор между тремя сотрудниками станции.

— Продолжайте! — настаивал Дятлов.

Он отошёл от пульта управления взглянуть на другие приборы. Этим воспользовался Топтунов, который тихо сказал Акимову:

— Что происходит? Мы же не должны опускаться ниже нормы в 700 мегаватт. Это же небезопасно. Может, я ему скажу об этом?

Александр смерил паренька взглядом, понимая, что это работа не его.

— Я ему сам скажу, — заверил мужчина.

— Не надо мне ничего говорить! Я всё знаю сам! — Дятлов оказался уже рядом и расслышал разговор двоих подчинённых.

Он склонился прямо над ухом Топтунова и процедил:

— Думать не твоя работа. Здесь я принимаю решения. Делай, что тебе говорят! — мужчина повернулся к Акимову. — Где ты набрал таких наглых карасей?

— Анатолий Степаныч, мы и так низко опустились. Ниже допустимых 700 мегаватт, — решил на это ответить Александр.

Существовало два важных аспекта во всей этой истории. Первым был опасный недостаток в реакторе, о котором инженеры-конструкторы просто не знали. При низкой мощности работа реактора была нестабильна. Вторым аспектом было неправильное управление Дятлова. И в эту ночь сражение между ним и реактором в итоге погубило обоих.

В 0.31 спор продолжался. Эксперимент ведь выполнялся по требованию министерства атомной энергетики. Причиной тогда высказывался страх возможного нападения на СССР. Дело в том, что за несколько лет до этого Израиль разбомбил советскую АЭС в Ираке. Теперь требовали проводить эксперименты на стабильность системы.

Дятлов прямо игнорировал требования к проведению испытаний. Согласно предписанию инструкции, начало испытания должно проходить при 700—1000 мегаватт мощности. Это прямо прописано в документе. Дятлов же хотел испытать реактор при 200 мегаватт, чтобы сохранить охлаждающую воду для предотвращения перегрева реактора. Он считал, что риск небольшой. И это ещё одна проблема. В ту ночь рядом не было таких сильных и компетентных людей в этом вопросе, как сам Дятлов. Не было здесь того, кто мог посоветовать этого не делать.

Но он не безрассудный человек. Анатолий родился в се-

мье рыбака в Сибири, в четырнадцать лет убежал из дома, но выбился в инженеры. Это был человек партийный, старался следовать правилам, но хорошо понимал, что в атомной энергетике свод правил и реальность зачастую не одно и то же, а скорее противоположность. Здесь нужно быть умелым, чтобы срезать углы и хитрить.

Время шло. Гашение реактора привело к очень быстрому падению мощности.

— Что там у тебя, Топтунов? — с недовольством спросил Дятлов у Александра, который пристально разглядывал показатели приборов.

— Мощность быстро падает, — с некоторой досадой в голосе сообщил Леонид, почесав за ухом.

Дятлов окинул взглядом показатели приборов и уставился на Леонида с диким взглядом.

— Ты что натворил, идиот?! Ты же мощность упустил!! Руки из задницы растут!! — мужчина отошёл, бросив с досадой Акимову. — Помоги ты ему!

Было заметно раздражение и в Топтунове. Ведь он сказал об опасности.

— Успокойся, Лёня, успокойся, — мирно сказал Александр, встав рядом с подопечным. — Не суетись. Начинаем всё сначала.

Всего в полутора километрах от Чернобыля мирно спал город Припять. Все жители этого городка работали на станции. Среди них был и Фомин — главный инженер АЭС, ко-

торый подписал приказ об испытаниях на безопасность. В ту ночь никак не могли уснуть жена инженера Саши Юрченко и её сынишка, который постоянно плакал. Александр было на смене, где вместе с другими сотрудниками был на обходе и говорил о грядущих майских праздниках. Молодой человек рассказывал товарищам о том, что за Припятью есть хорошее место, где он поймал большого сома. Коллеги смеялись, кажется, не веря в рассказ. Они шли через турбинный зал, обсуждая всё это. Река, что рядом со станцией часто становилась целью рыбаков. Сегодня здесь рыбачили двое. Рыба приплывала сюда в тёплые воды, которые становились таковой от действия АЭС. Все они пока не знали о надвигающейся катастрофе.

0.36. Появилась новая проблема. Сигнализация. Старший инженер по управлению блоком Борис Сталирчук контролирует поток воды через реактор. Но на низких мощностях контроль всегда был сложен, и он испуга особого не испытывал. Сигнал такой тревоги стал привычен. Однако через пару минут реактор практически замер. И здесь Дятлов совершает роковую ошибку.

– Ты же уронил реактор! — крикнул на Леонида Анатолий Дятлов. — Поднимай мощность!! Выводи регулирующие стержни!! Бегом!

Регулирующие стержни — устройство разгона и торможение ядерного реактора. Под пятнадцатиметровой крышкой реактора расположены урановые тепловыделяющие элемен-

ты, которые называются твэлы. Всего их здесь 1661. В результате распада ядер урана твэлы выделяют огромное количество теплоты, что превращает воду в пар. Пар подается на гигантские турбины, которые генерируют электроэнергию. Для контроля в реакторе установлены стержни с бором. При их подъеме мощность увеличивается. Если их вынуть полностью – ученые потеряют возможность тормозить процесс. Но именно это Дятлов и приказывает сделать своим подчиненным.

– Извините, Анатолий Степаныч, — наконец не сдерживается молодой Топтунов. — Но разве мы не должны остановить реактор? Так положено по инструкции.

– Это верно, Анатолий Степаныч, — решил поддержать парня Акимов. — Абсолютно верно. Если мы извлечем стержни, управлять реактором нам становится практически невозможно.

– Испытания не проводить вообще? — грозно взглянул на обоих Дятлов. — Испытание будет проведено сегодня.

Он перевёл глаза на Леонида.

– А тебе я скажу, если не хочешь или не можешь исполнять приказания, я могу тебя избавить от этого.

– Да, — лишь изрёк испуганный Топтунов.

– Пошёл вон, — процедил Анатолий. — Трегуб, прими управление.

Бунт операторов сорвался. Попытаться вновь они не решились. Было 0.42. Начались попытки разогнать реактор.

Спустя пять минут мощность повышается.

— Удалось поднять мощность до 160 мегаватт, — сообщил Трегуб.

Дятлов был доволен и, кажется, сменил гнев на милость и даже улыбнулся.

— Ладно. Передай управление Топтунову, — сказал он примирительно, но добавил. — Только не уходи. Постой с ним рядом.

Время шло дальше. 0.52. Поступил новый сигнал тревоги. Уровень воды в барабан-сепараторе опасно низкий. Никто за пределами комнаты управления даже не догадывается о споре. Спустя ещё десять минут в помещении тихо. Наконец мощность вышла на отметку в 200 мегаватт.

— Анатолий Степаныч, мы вышли на мощность 200, — сообщил Акимов.

— Очень хорошо, — констатировал Дятлов. — Так начинайте испытание.

Александр медлил, глядя в глаза Дятлову, но решился и произнёс:

— Но по регламенту испытание можно начинать только при мощности в 700 мегаватт. Если вы хотите начать при 200, я прошу вас занести это распоряжение в оперативный журнал.

— Да будет вам известно, что я как заместитель главного инженера могу изменять параметры проведения испытания, — сжал кулаки мужчина. — И я этим воспользуюсь. Продолжайте испытание.

В начале второго ночи механик Валерий Хадимчук находился в насосном помещении. Он, конечно же, не знал, что через двадцать минут умрет.

Из-за недостатка воды постоянно включается сигнализация, но никто не верит в возможность серьезной аварии. Никто не знает о проблеме в реакторе. А она там есть. С шестидесятых годов двадцатого века развитие атомной советской энергетики шло полным ходом. Даже КГБ не могло противостоять этому. С семьдесят девятого по восемьдесят шестой годы правительство игнорировало сообщения о том, что в конструкции Чернобыльской станции есть серьезные недостатки. Последняя секретная экспедиция Фролова и Зарубина подтвердила этот факт. Чернобыльский четвёртый энергоблок был запущен раньше срока, чтобы получить вознаграждение. Безопасностью пренебрегли. Из секретных архивов позднее станет известно, что Буканов, директор ЧАЭС, старался сдать как можно раньше блок под номером четыре. К примеру, по проекту перекрытия должны были быть из огнеупорного материала, но его не было и поставили тот, что не огнеупорный. Несчастных случаев было много, но их скрывали.

В активной зоне реактора происходит что-то угрожающее, но никто об этом не знает. Некоторые из регулирующих стержней с бором находятся в активной зоне реактора, но лишь частично. Нижняя часть зоны не всегда контролируется датчиками. Мощность стала резко нарастать, превра-

щая реактор в мину замедленного действия.

1.12. Дятлов решил провести испытание, несмотря на опасность. Одним из факторов являлось то обстоятельство, что его начальник должен пойти на повышение, а он сможет в случае успеха занять его место. В шестидесятых годах в Сибири Анатолий ставил атомные реакторы на подводные лодки. Следствие установило, что при аварии, которая случилась в Сибири, Дятлов получил облучение около 200 бэр. Его сын умер от лейкемии. Это изменило мужчину. Он стал более целеустремлённый и упрямый. Он борется с ядерной энергией. Это вызов для него.

Дятлов размышлял, что на 200 мегаватт расход воды небольшой. Если что, можно повторить испытание. Но он не знал, как и никто другой, что внутри реактора невидимое горячее пятно разрастается.

В 1.21 Первоченко был вызван Дятловым. Путь предстоял как раз мимо реактора.

– Начинаем испытание, — сообщил Анатолий.

– Запишите все параметры испытания турбогенератора, — сообщил по телефону подчинённым Акимов. — Мы начинаем.

Дятлов приказывает включить два резервных насоса. Подача пара на турбины отключается. Они постепенно теряют обороты. Питание будут обеспечивать резервные дизель-генераторы. Но они начнут давать ток лишь через сорок секунд. Смогут ли замедляющие ход турбины обеспечить ра-

боту насосов до включения дизель-генераторов. Без воды реактор может выкипеть досуха, как забытый на плите чайник. Но для Дятлова риск чисто теоретический, так как он не знает о разрастающемся пятне внутри реактора. Питание турбин отключено в 1.23. Воды в реактор подается все меньше по мере остановки турбин. Все больше пара образуется из быстро исчезающей воды. Давление пара нарастает с каждой секундой. От повышения давления пар врывается в насосное помещение. Первоченко заходит в насосный зал и видит то, что никто никогда раньше не видел. Давление пара такое, что поднимает 350-килограммовые наконечники стержней.

В комнате управления Леонид смотрит на приборы и говорит:

– Нужно запускать АЗ-5. Произошел резкий скачок мощности.

– Я включаю систему аварийного снижения мощности, — сообщил Акимов.

При включении АЗ-5, стержни опускаются вниз для снижения мощности. Но это приведет к непредвиденным и страшным последствиям. На концах стержней графитовые вытеснители. И в первые секунды при опускании в реактор это приводит к повышению, а не понижению мощности. Мощность выросла в сотни раз практически мгновенно. Это вызвало срабатывание очередной сигнализации.

– Акимов, что там у тебя?! — недовольно спросил Ана-

толий Дятлов.

— Это не у меня. Это у Столярчука, — ответил раздражённо Александр. — Реактивность удваивается каждую секунду.

— Это невозможно, — изумлённо произнёс руководитель, приближаясь.

— Уровень мощности превысил 530 мегаватт, — сообщил Акимов.

И в этот момент в комнату ворвался нёсшийся сюда на предельной скорости Первоченко.

— Наконечники срывает с крышки реактора!!!

Хадимчук у реактора чувствовал страшный скрежет, жару от реактора и закричал:

— Ребята!! Люди!!

Давление пара в реакторе превышает критический уровень. Пар выталкивает регулирующие стержни из каналов реактора с твэлами. Происходит первый взрыв. Мощность подскакивает вверх, превращая реактор в вулкан. И яркая вспышка озарила ночь. Прогремел раскатистый мощный взрыв, разрушая всё вокруг и имея такую мощность, что в итоге эту аварию назовут самой страшной аварией за всю историю человечества. Свет в помещении погас, но гулкий взрыв всё ещё отдавался в ушах эхом, закладывающим слух. Была неразбериха, вопросы, где свет в помещении, куда и что пропало, что вообще происходит.

Крышка реактора весом 500 тонн взлетела в небо! Внутрь

стал попадать воздух. И это превратило реактор в факел. В атмосферу выбрасывается пятьдесят тонн ядерного топлива, в десять раз больше чем в Хиросиме. 700 тонн радиоактивного графита разбрасывается по территории станции. В помещение управления проникают клубы пыли вместе с газами. Те, кто там находились, отметили для себя, что это странный запах с металлическим привкусом, как озон после грозы. На самом же деле они ощутили на себе дыхание смерти. Этой пылью была радиация. Операторы были достаточно далеко от взрыва и не погибли, но многие пожалеют, что умерли не сразу. Впереди дни, недели, годы агонии, когда радиация будет испепелять их изнутри. Стены толщиной метр бетона прогнулись как резиновые. Было темно, вокруг стояли пыль и пар. И тут жуткий звук шипения вокруг, который никогда не забудут. Саша Юрченко побежал. Перед ним предстал один из операторов. Это был шок. Мужчина был с обожженным лицом, которое было в крови, одежда стала черной. Его можно было узнать только по голосу. Второго оператора всего трясло. Он был в шоке. Когда же Саша оказался в насосной, то увидел лишь руины. Где был потолок, там стало небо. Луна, кажется, светила всё также, не обращая внимания на проблемы Земли.

А затем был хаос. Людей рвало уже в три часа ночи. В шесть сами передвигаться они уже не могли. Их вели в медпункт. Потом в медсанчасть. Юрченко в итоге выжил, что довелось немногим после событий той ночи.

* * *

Евгений Фролов проснулся от звонка телефона. Он поднял трубку, потирая глаза.

– Алло, — сказал он. — Кто это?

– Это Виктор, Жень. Собирайся, у нас экстренный вылет.

– А что случилось? — нахмурился сонный парень.

– Наши исследования к несчастью стали правдой, — вздохнул Зарубин.

– О чём это ты?

– Произошла авария на Чернобыле. Реактор взорвался.

– Твою мать, — сон за секунду слетел с Евгения. — Радиация?

– Уверен, что да, но точно не могу знать. Приезжай сразу на взлётную площадку. Мы должны дать оценку событиям и решить, как действовать.

* * *

Пожар на станции тушили всю ночь. Здесь было множество пожарных расчётов, но никто из них не знал о том, что тушить такой пожар равносильно самоубийству. Здесь было столько радиации, что даже на будущих кадрах видеосъёмки отпечатались изменения.

Одними из первых на тушение выехал расчёт, в котором

служил Афанасий Клименков. Парень проучился всю жизнь в Москве, но затем вернулся на Родину, в Украинскую ССР и жил там. Молодой пожарник отдавал себя всего на борьбу с последствиями взрыва, как и все остальные, кто в ту ночь облучились смертоносной радиацией. Они стали чувствовать себя плохо уже ночью, а под утро многим самим понадобилась помощь, ведь передвигаться было уже невозможно. Но Афанасий стискивал зубы и продолжал бороться, глядя, как его товарищам становится плохо, да и сам он уже сильно ослаб.

Уже рассвело, когда вертолёт КГБ летал в воздухе. Отсюда Фролов и Зарубин вели съёмку, полностью облачённые в противорадиоактивные костюмы. Этот ужас завораживал и пугал. Четвёртый энергоблок был полностью разрушен. На его месте зияла дыра. А постоянное шипение счётчиков фиксации радиации пугало как никогда раньше. Ведь друзья осознавали, что они забрались прямо внутрь смерти и играют с ней. Виктор приближал и отдалял кадры, снимая всё, и тут камера выхватила одну из пожарных машин, где были пожарники, сматывающие шланги. В одном из пожарников Зарубин узнал своего друга и одноклассника Афанасия Клименкова.

— Быть не может, — сказал парень, фокусируя камеру на друге. — Да не мотай ты бля вертолёт!!

Гнев вспыхнул внутри Виктора, когда он прикрикнул на пилота.

– Что стряслось? — спросил Евгений.

– Там внизу Афон тушил пожар.

– Афон? Клименков?? — испугался Фролов.

– Да, мать его. Снижайся. Нам нужно забрать человека!

— приказал пилоту Виктор.

– Я не имею на это право, — отозвался пилот. — Здесь везде радиация.

– Я сказал, снижайся! — настаивал Виктор.

– У нас будут неприятности, — сказал Женя. — Что ты хочешь сделать?

– Забрать его в Москву. Ему нужна помощь специалистов, чтобы остаться в живых, — объяснил Виктор.

– Но это прямое нарушение приказа, — схватил за руку друга Евгений.

– Мне плевать. Он мой друг и умрёт точно, если мы ему не поможем прямо сейчас. Снижайся, мать твою!

– Я должен получить приказ от полковника, — ответил пилот, удерживая штурвал.

– Я приказываю, садись здесь! — Виктор направил пистолет в голову пилота. — Я убью тебя, мразь.

– Что ты творишь, Витя?! — округлил глаза от такого поворота событий Евгений.

– Наша судьба будет общей!

Вертолёт сел недалеко от места дислокации пожарных расчётов. Пожарники с интересом рассматривали людей в костюмах радиоактивной защиты. А Евгений и Виктор бро-

сились бежать к машине, где был Афанасий. Виктор оглядывался, держа в руке пистолет. Но вертолёт всё также ждал на земле. Двое подбежали к Клименкову.

— Ты идёшь с нами, — властно сказал Виктор.

— Куда? Зачем? — пожарник сначала не узнал друзей. Он так устал, что сейчас мечтал о сне, но радиация уже была внутри него и начинала убивать.

— Афон, это мы. Витя и Женя из Москвы, — сказал Фролов. — Мы отвезём тебя в больницу.

— О! Привет. Вы как здесь? — нахмурился парень. — И что на вас за костюмы?

— Нет времени объяснять. Пошли, — Зарубин взял друга под руку и повёл к вертушке.

— Но мне смену нужно сдать, — попытался объяснить Афанасий.

— Забудь. Здесь повсюду смерть.

Трое уселись в вертолёт и взлетели в небо, удаляясь как можно дальше от пепла ядерного пожара.

* * *

— Вы два дебила!! — кричал на Фролова и Зарубина полковник Зорин. — Вы с ума сошли!! Такое вытворяете!! Какого лешего вы взяли гражданского в наш вертолёт, да ещё облучённого?!!

— Это наш друг, — спокойно объяснил Виктор. — Мы

не могли его бросить там.

— Да вы охренели совсем?! — удивился Зорин. — Какая дружба у вас тут на службе? Вы выполняете долг перед страной.

— А эта страна позаботилась, чтобы тысячи людей там сейчас гнили заживо от радиации?

— Прикрой рот, сопляк! — встал со своего кресла Зорин. — Совсем страх потерял?!

— Я действовал так, как считал нужным. Спасал товарища, — рассказал Зарубин. — Это для меня также важно, как и безопасность всего государства.

— А ты чего? — спросил мужчина у второго.

— Я помогал ему, — пожал плечами Фролов. — Он мой друг. Я знаю, что мы пошли против устава, но моё решение было обдуманым.

— Я вас обоих посажу настолько, что стариками выйдете, — процедил полковник. — Вертолётчик мне уже доложил о вас.

— Это ваше право, товарищ полковник, — встал со своего места Виктор. — И вы вправе поступить так, как считаете нужным... то есть по совести.

Повисла тишина.

— Правительство хочет скрыть масштабы аварии. Это возможно? — перевёл тему Зорин.

— Это идиотизм и нереально абсолютно, — сказал Фролов. — Нам нужно срочно эвакуировать людей оттуда и создавать

зону отчуждения.

— Наши исследования показали, что такого даже в Хиросиме и Нагасаки не было, — объяснил Виктор. — Там рвануло так, что полмира будет подвержено радиации.

— Твою мать, — вздохнул мужчина. — Тогда вперед. Жду от вас рекомендаций в течение часа. Нужно действовать.

— Разрешите идти? — спросил Фролов.

— Валите, — упал обратно в кресло полковник.

Двое вышли.

— Нам кранты, — сказал Фролов.

— Прорвёмся, — слегка улыбнулся Виктор. — Зорин нормальный мужик. Он понимает, почему мы так сделали.

* * *

Облако развивалось, захватывая Белоруссию и продвигаясь в Европу. Самое страшное было ещё впереди. Утром 26 апреля КГБ снимали место самой страшной атомной аварии. Человек, который снимал, получил огромную дозу радиации.

На следующий день об аварии сообщили в Припяти. Сообщение шло по всем улицам города. Женский голос сообщал, как будто вбивал гвозди в крышку гроба: «Внимание, внимание. В связи с аварией на ЧАЭС складывается неблагоприятная радиационная обстановка. Для обеспечения полной безопасности людей, в первую очередь детей, возникает

необходимость провести временную эвакуацию людей из города в близлежащие населенные пункты».

Эвакуация 135 тысяч жителей города Припять заняла неделю. Была создана тридцатикилометровая зона отчуждения. 600 тысяч советских людей было мобилизовано, чтобы спасти остальной мир. Все они мужественные люди, которые, не щадя здоровья шли туда и ликвидировали последствия. У них не было у многих элементарных средств защиты. Все, к чему они прикасались, оставляло радиационные ожоги. Радиация распространилась далеко за пределы страны. Сегодня она продолжает жить в растениях, животных и людях. Запад считает, что Чернобыль стал символом того, что должно было произойти — распад СССР. Учёные предполагают, что в течение 70 лет возможно 10 тысяч заболеваний раком в России, 25 тысяч в Европе. Пока участились случаи рака щитовидной железы у детей. Рыбаки той ночью продолжали смотреть, как пожарные тушат пламя, пока им не стало плохо. Их начало рвать. В течение нескольких часов кожа почернела. Впоследствии такую черноту назовут ядерным загаром. Они умерли. 30 пожарных погибло от мощных доз облучения. Валерий Хадимчук пропал бесследно во время взрыва.

Валерий Первоченко умер через 6 недель от ожогов, которые были получены во время поиска Хадимчука, своего друга. Акимов умер через 15 дней от острого радиоактивного отравления. Пока он мог говорить, он утверждал: «Я все де-

лал правильно. Я не понимаю, почему это произошло». Топтунов умер через 18 дней. Он тоже настаивал на своей невиновности. Уверял, что сделал все, что мог. Фомин, главный инженер был приговорен к 10 годам принудительных работ с тюремным заключением, но скоро освобожден ввиду потери рассудка.

Юрченко выжил. Ему провели 15 операций по пересадке кожи. Ожоги проявились уже в Москве, куда его доставили специальным рейсом. Кожа была черная, сыпалась как порошок с ксерокса. По сей день этому человеку приходится избегать бензина, масла и других специфических жидкостей. Раны заживают долго, кровь останавливается небыстро.

Дятлов получил 390 бэр облучения. Но даже такая опасная, в пять раз превышающая смертоносную дозу, не погубила его. Он умер в 1995 году от инфаркта. Дятлов рассказывал: «Реактор был не пригоден к эксплуатации по вине института атомной энергии. С таким букетом несоответствия пунктам требований нормативных документов взрыв его был неизбежен. Он чётким солдатским шагом шёл к взрыву».

* * *

Зона отчуждения была создана размером тридцать километров. Со всей страны начали прибывать люди, чтобы работать в этой зоне. Среди них были специалисты, которых

командировали для работ на разрушенном четвёртом блоке и вокруг него. Также сюда направляли регулярные воинские части и резервные. Люди работали посменно. Те, кто набирал максимально допустимую дозу радиации, отправлялись обратно, а их место занимали другие. И так продолжалось. Основные работы прошли в 1986 и 1987 годах. 240 тысяч человек жертвовали своим здоровьем, чтобы спасти мир. Все они доблестные люди. Впоследствии их стали называть «ликвидаторы». За все годы работ таких людей было 600 тысяч.

Первые дни были самыми важными. Дело в том, что была опасность ещё более мощного взрыва. Остающееся внутри реактора топливо могло выделять тепло. Из-за этого могло произойти расплавление активной зоны реактора. Расплавленное вещество вполне могло проникнуть в затопленное помещение под самим реактором. Тогда бы новый взрыв ещё сильнее отравил всю планету. Воду откачали. Специалисты приняли меры, чтобы топливо не попало в грунт под станцией.

Объект «Укрытие» — так называли бетонный саркофаг, который возвели вокруг разрушенного энергоблока.

Пришлось вывести из пользования пять миллионов гектар плодородных почв. Сотни малых населённых пунктов поблизости были закопаны тяжёлой техникой. Более 200 тысяч квадратных километров подверглись радиоактивному загрязнению. Специалисты подсчитали, что около семидесяти процентов этого загрязнения пришлось на Украину, Бе-

лоруссию и Россию.

Болезни и смерть людей ещё долго будут напоминанием о том, насколько опасна может быть ядерная энергетика, если неправильно обращаться со сложным оборудованием. Эта авария наглядно показала, что человек всего лишь мелкая крупица, которая не всегда может управляться с мощными возможностями, которые дала ему природа.

Глава 3. Новое звание и знакомство

Шёл февраль 1988 года. Снега было много. После затяжных в этом году крещенских морозов, снегопады никак не останавливались, засыпая белым покрывалом улицы Москвы.

Четверо друзей зашли в знакомое кафе, где частенько бывали, когда хотелось отметить какой-то праздник, да или вообще посидеть после трудной рабочей недели. Сегодня же повод был особенным. Виктор Фролов получил очередной звание Капитана. И это несмотря на свой молодой возраст. Начальство отмечало его заслуги перед Отечеством, даже нарушая сроки присвоения звания по выслуге лет.

Но сейчас парни об этом не думали. Этот вечер пятницы друзья ждали целую неделю. А она показалась каждому особенно сложной. И поэтому эти часы можно было назвать волшебными.

Их было четверо. Виктор Зарубин, Евгений Фролов — оба работники специального отдела КГБ. Афанасий Клименков — пожарник, ликвидатор последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С тех пор, парень перебрался в столицу и работал здесь, насколько ему позволяло здоровье. Правда, с каждым годом, самочувствие Афанасия ухудшалось. Ска-

зывалась лучевая болезнь. Геннадий Торопков — участник особого подразделения «Альфа», которое выполняло сверхсекретные задания по всему миру, частенько работая совместно с КГБ. Гена был бойцом опытным, который прошёл уже десяток сложнейших операций по освобождению заложников, ликвидации террористов и защите важных лиц государства.

Все четверо дружили со школы, а теперь их свела судьба вместе в столице необъятной Родины. Они частенько собирались вместе и обменивались новостями, насколько уровень секретности позволял говорить каждому о своих.

Парни вошли в кафе, обсуждая очередную шутку кого-то, и уселись за свободный столик.

— Так, а нас четверо так и будет? — спросил высокий зеленоглазый Геннадий.

— А кто тебе ещё нужен? — спросил Виктор, снимая с себя куртку, которая была вся в снегу. — Ещё рота солдат?

— Да нет, — махнул рукой Гена. — Мамамы придут ваши?

— Нет, — сказал Евгений, плюхаясь на лавку. — Я со своей разбежался.

— Да ты чо? — недоумённо спросил Афанасий. — Когда вы успели? Что она сделала?

— Она выносит мозг. По этой причине было принято решение... мною, что нужно эти отношения прекращать, потому что... да ну её на хрен, — объяснил свою точку зрения Женья Фролов.

— Ну, ты прямо как на совещании, — засмеялся Зарубин, тоже располагаясь за столом. — Совсем девка никудышная оказалась?

— Совсем. Найдётся и получше, — сказал Евгений, открывая меню.

— Ну а чо она мозги тебе морочила? Рассказал бы друзьям, — предложил Геннадий.

— Я абсолютно не настроен это обсуждать, — нахмурился Женя, не поднимая глаз от меню. — Давайте просто сделаем заказ и будем поздравлять Витю с праздником.

— Ну, ладно. Не хочешь — не говори, — улыбнулся Виктор.

— А твоя подруга где, Афон? — спросил Гена.

— Дома ждёт, — сказал Клименков. — Готовит суп, который я очень люблю.

Парни рассмеялись.

— Это тот гороховый что ль? — сквозь смех поинтересовался Витя.

— И пусть гороховый, — с некоторым неудовольствием высказался терпеливо Афанасий. — Зато мне он очень нравится.

— Вот я и чувствую иногда, что ты очень любишь гороховый суп, когда мы где-нибудь вместе находимся, — шутил над другом Евгений.

— О чём это ты? — не понял шутки друга Афон.

— Да воздух меняет свой химический состав, когда твой

гороховый суп портит тебе пищеварение.

И здесь все трое просто грохнули смеяться. Афанасий продолжал сидеть, скрепя зубами, понимая, что друзья имели в виду.

— Завистники чёртовы, — сказал он, открывая меню.

К столу подошла официантка, миловидная девушка с тёмными волосами.

— Готовы заказывать? — улыбнулась она.

— Девушка, а можно нам бутылочку водки, газированной воды сладкой, пару салатиков и картошки с котлетами, — сказал за всех Виктор. — Все будут да?

— Ага, — кивнули остальные.

— Котлеты здесь самые вкусные, — констатировал Евгений.

— Четыре порции в общем, — сказал Витя.

— Хорошо, — девушка удалилась.

— А мне она понравилась, — сказал Геннадий, провожая взглядом молодую официантку.

— Не вздумай даже, — сказал Евгений.

— Это почему ещё?

— У неё кольцо на пальце. Замужем она, — объяснил друг.

— Да?.. Ну, кольцо ещё не показатель, — констатировал он.

— Дело твоё, — сказал Фролов.

Через десяток минут девушка накрыла посетителям стол, а Гена не сводил с неё глаз. Та делала вид, что не замеча-

ет этого. Однако пока парень не стал принимать каких-либо мер. Парни разлили водку и подняли рюмки.

— Сегодня мы поздравляем нашего друга, — начал говорить тост Евгений. — Капитан он у нас теперь. Витя, друг, здоровья тебе крепкого, продолжай свой карьерный путь так же успешно, делай всё по уму, совершенствуйся, радуй своих родных и друзей...

— То есть нас, — вставил Афанасий.

— ... Пусть твои действия несут стране только положительные тенденции. Сейчас как раз Перестройка идёт.

— Ага, — усмехнулся Виктор. — Правда сами никто ещё не знаем, что и куда перестраивается.

— Ну, в общем, чтобы будущая страна радовала всех нас, а ты, как работник этой страны знаешь её изнутри лучше всех. И пусть жизнь принесёт тебе только счастье.

— Спасибо, — улыбнулся Зарубин.

— Бред какой-то сказал, — вздохнул Женя.

— Да ты всегда что-то такое говоришь, — подшутил над другом Афанасий. — Мы уже привыкли.

— Не слушай, — сказал Виктор. — Хороший тост. Спасибо.

— Дрогнули.

Парни чокнулись и выпили. А затем пошёл разговор.

Они сидели уже полчаса, почти опустошив бутылку водки. Еда тоже была почти доедена. Разговоры были, как о службе, так и бытовых делах.

— Слушай, слушай, — привлёк внимание Геннадий.

— Мне кажется, что она всё-таки не замужем.

— Кто? — не сразу поняли друзья.

— Ну кто? Официантка наша, — сказал Торопков. — Может быть, стоит у неё об этом поинтересоваться?

— Дело твоё, Гена, — покачал головой Евгений. — Но веди себя прилично обязательно.

— Обязательно, — сказал Геннадий. — А вдруг завтра война? Нужно действовать сегодня.

Парень встал из-за стола и отправился в конец зала, где де-вушка передавала заказы повару. Трое вздохнули. Ведь Геннадий был прав. Его выражение «А вдруг завтра война» имела под собой глубокий смысл. У каждого из друзей была такая работа, на который просто не знаешь, вернёшься ли ты завтра домой живым. Они все жили в постоянном стрессе. Их постоянно вызывали на службу, где решались судьбы людей. И неважно, каким способом. Афанасий спасал жизни в огне, Гена освобождал заложников и уничтожал террористическую угрозу, а Женя и Витя часто руководили этими операциями, по сути решая, как действовать дальше на благо. Эти двое решали судьбу страны пусть и находились в тени политиков. А такие решения очень дорого стоили. Пока трое прибывали в грустных размышлениях, за стол вернулся насупившийся Геннадий.

— Ничего не понимаю, — сказал парень.

— Что там у тебя? — спросил Афон.

— Да какая-то она странная особа, — глядя на девушку, которая всё также стояла рядом с кухней, произнёс Геннадий. — Сказала, что она... у меня даже язык не поворачивается это повторить.

— Да что стряслось? — спросил Женя.

— Да она говорит, что мужиков не любит.

Повисла тишина.

— В смысле не любит? — из-под бровей с явным недоверием спросил Виктор.

— Ну не любит мужиков. С женщинами она это... того, — казалось, что сейчас внутри Торопкова перевернулся весь мир.

— Что ещё за фигня, — опешил Афанасий. — Ты точно всё правильно понял, друг?

— Да вроде бы да.

— А выглядишь так, будто тебе три года, и родители отняли у тебя игрушку, — сказал Виктор.

Трое расхохотались так громко, что все посетители обратили на них внимание. Даже официантка посмотрела в их сторону и улыбнулась.

— Я слышал, таких называют лесбиянками, — похлопав по плечу Торопкова, сказал Афанасий.

— Ну, а вы говорите, — улыбнулся Евгений. — Перестройка даёт свои плоды.

Вечер продолжался. Когда все посетители обернулись на смех четверых друзей, Виктор заметил за одним из сто-

ликов двух симпатичных девушек. Те, очевидно, тоже отмечали какой-то праздник.

— Так, парни, — негромко сказал Зарубин. — Через два столика от нас сидят две милovidные особы. Как вам?

Трое других осторожно, не привлекая внимания, посмотрели на девушек, оценивая ситуацию.

— Да, симпатичные особы, — констатировал Афанасий.

— Так, кто со мной? — спросил Витя. — Я думаю, что стоит с ними познакомиться.

— Я не могу, — с нескрываеваемой долей гордости сообщил Клименков. — У меня девушка есть.

— Да про тебя вообще речи не идёт, — махнул рукой Виктор. — Тебе пора скоро опять суп гороховый есть.

Парни опять рассмеялись.

— Да тихо вы, — махнул рукой Зарубин. — Напугаете ещё.

— Я не пойду, — стал смурным Гена. — Опять окажется, что все они друг с другом только в любовь играют. Не. Ну на хрен.

— Да ладно. Что же теперь, все девушки вдруг стали женолюбивыми? — усмехнулся Виктор. — Не может такого быть.

— Даже не уговаривайте. У меня психологическая травма, — сложил руки на груди Геннадий.

— Ну а ты? — посмотрел на друга новоиспечённый капитан. — Пойдёшь знакомиться?

— А пошли, — сказал Евгений. — Офицеры мы или где?

Двое отправились к девушкам. Они остановились у их

столика. Повисла тишина. Подруги были очень симпатичными. Одна имела тёмные вьющиеся волосы до плеч и голубые глаза. Вторая носила причёску чуть покороче, волосы её были цвета осенней листвы, а зелёные глаза уставились на двух парней.

– Да? — немного растеряно спросила она.

– Ой. Здравсти, — замялись парни.

– Здравствуйте, — сказали девушки, кажется, вообще не ожидая такого развития событий.

– А мы извиняемся, — сказал Виктор. — Просто мы увидели вас издалека и подумали, что очень хотим с вами поздороваться.

– Хм, — девушки переглянулись и усмехнулись. — Вот теперь мы поздоровались.

– Ах, да. А можно теперь с вами познакомиться? — спросил Виктор, а затем спросил у Жени, но чтобы девушки тоже его слышали. — Всё правильно сказал? Так надо?

– Да, коллега, — подыграл другу Женя. — Вы действуете согласно стандартам знакомств.

– А мы тут вроде как заняты, — неуверенно сказала брюнетка.

– А чем? Простите за мою настойчивость, — сказал Виктор. — Не могу отвести от вас глаз.

Девушки рассмеялись.

– Мы мой день рождения отмечаем, — сказала блондинка.

– Вот оно что-о! — протянул Евгений. — Мы поздравля-

ем вас с этим событием.

– Спасибо.

– Я очень извиняюсь, но мне нужно срочно отлучиться, — Виктор рванул куда-то на улицу, а девушки, Евгений и двое друзей за столом с удивлением уставились на парня.

– Что это с ним? — нахмурилась брюнетка.

– Я даже сам в шоке, — скривил губы Женя. — Даже не знаю, как себя дальше повести.

Он потёр руки, оглядываясь по сторонам.

– Неловкость сейчас по сто бальной шкале набрала сто десять, — улыбнулся парень.

Девушки рассмеялись.

– А можно всё-таки я к вам присяду, пока мой странный друг отсутствует? — спросил парень.

– Ну, садитесь, — сказала брюнетка, посмотрев на подружку. Та, кажется, была не против.

– А меня Евгений зовут, — сказал он. — А вас?

– Я Инна, — сообщила брюнетка.

– Меня зовут Екатерина, — улыбнулась девушка со светлыми волосами. — А вы как здесь оказались?

– Да у нас тоже праздник, — улыбнулся Женя. — Тот сумасшедший, который только что унёсся отсюда, как ошпаренный, получил звание. Мы и пришли сюда, потому что это наше любимое кафе, где мы всегда собираемся.

– Как интересно, — сказала Екатерина. — Мы здесь тоже частые гости, но ни разу не видели вас.

– Вот так бывает, значит, — пожал плечами Евгений.

– А вы, значит, военные? — поинтересовалась Инна.

– Ну... да, — сказал парень. — А вы какой деятельностью занимаетесь?

– Студенческой пока ещё, — ответила Инна. — Начался очередной семестр. Учимся на инженеров.

– Ух, ты. Как интересно. То есть будущее архитектуры в ваших руках? — спросил парень.

– Это очевидно, — усмехнулась Катя.

Тут к столу подлетел запыхавшийся Виктор. В руках у него был букет цветов. Он протянул его Екатерине.

– С Днём Рождения, именинница, — сказал он.

– Ой, спасибо.

– Я Виктор, — сказал офицер.

– Меня зовут Катя, — сообщила девушка, разглядывая красивые розы. — Как вам удалось такое раздобыть?

– На вертолёте подвезли, — улыбнулся парень, снимая с себя верхнюю одежду. — Могу я присоединиться к вашему застолью?

– Садитесь, — подвинулась Екатерина. — Спасибо за цветы. Они очень красивые.

– Не такие как вы.

Они сидели так уже час, общаясь на разные темы. Оставшиеся за своим столом Афанасий и Геннадий заказали себе ещё еды и общались вдвоём. Виктор и Евгений общались с девушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.